

Марина Кужман

Борис

Марина Владимировна Кужман

Борис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101458

ISBN 9785005046895

Аннотация

Это новелла о 80-х и начале 90-х. Счастливое время надежд и затем время распада государства. И, как результат, для одних разлука с близкими и родными для других – гибель. И, конечно, это новелла о любви. «Ибо любовь есть отношение к реальности – обычно кого-то конечного к чему-то бесконечному. Отсюда интенсивность, вызванная ощущением временности обладания. Отсюда продиктованная этой интенсивностью необходимость в словесном выражении. Отсюда поиски голоса, менее преходящего, чем собственный».

Содержание

Борис	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис

**Марина Владимировна
Кужман**

© Марина Владимировна Кужман, 2019

ISBN 978-5-0050-4689-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис

...Любовь всегда энтропия, распад, отдача. Высшая форма любви – материнская любовь: из твоего тела создаётся новая жизнь, ты болеешь, мучаешься, а потом переживаешь жуткую катастрофу – роды. Ведь родовые муки самые сильные в физическом плане, правда, сейчас применяют обезболивающие средства, но мне лично и обезболивание не помогало. И потом, в прошлые времена половина женщин умирали или от родов, или после родов от инфекций.

Борис если бы я была с ним четыре дня или четыре часа или пятнадцать минут можно бы было написать объёмную книгу, наверное поэтому я стала писать с ним стихи, он был живая поэзия. Он создавал новое пространство, создавал поэзию. А поэт живёт десять минут как пятнадцать лет. И нет ни одного поэта который бы не обмакнул своё перо в чернила любви. У древних есть высказывание, «гнев рождает поэта». Но любовь тоже открывает твоё истинное я и мир и тебя в мире и мир в тебе. И поэзия не только стихи, как и в стихах часто нет поэзии. Внешне он был очень похож на Александра Годунова знаменитого русского балерона на ютубе можно посмотреть записи, где он танцует- живой Бог как сказал про него Бродский. Они очень похожи лицом и фигурой такой же стройный, высокий и пластика в каждом жесте божественна. Плюс у Бориса богатая мимика как

у Высоцкого и голос с такой же выразительной интонацией яркой индивидуальности, независимой, личности.

Лето 1988, я еду в отпуск с моей четырёхлетней дочерью под Ленинград, в семейный дом отдыха в Смолячково, находившийся рядом с Комарово. Поскольку дом отдыха семейный, предполагалось, что там будут воспитатели для маленьких детей и мне будет с кем оставить дочь, чтобы побродить по Ленинграду.

Но когда-то престижный дом отдыха был настоящим упадком: воспитателей не было, корпуса обшарпаны.

Простенький, но чистенький отдельный номер на четвёртом этаже с ванной, туалетом и балконом с видом на Финский залив был светлый и достаточно уютный. Мы разместились, пошли ужинать – это была огромная столовая, ресторанного типа, подходили официанты, давали меню, был выбор блюд, у моей дочери был очень плохой аппетит, у меня тоже, всё нам показалось таким не вкусным. Мы пошли прогуляться, посмотреть пляж, впереди был залив, но он весь зарос зелёными водорослями, а лето в том году на севере страны выдалось очень жаркое, в новостях сообщали, что температура воздуха и воды на Балтике была выше чем на Чёрном море.

Я сидела грустная, смотрела на заросший залив, раздумывая как в нём плавать. И тогда мы познакомились с Геннадием, он приехал отдыхать с пятнадцатилетней дочкой, они были из Москвы. Гена проявлял интерес ко мне, его дочь –

к моей четырёхлетней дочке.

Они были простые и добрые. Но Гена с его большими толстыми губами и бесцеремонностью не давал никакого пространства, мне становилось душно в его присутствии. Мы с дочкой были очень хорошо одеты; я не стала объяснять, что я не замужем, а наоборот, сказала что у меня муж болгарин, почему моя дочь не русской внешности.

Гена решил, что я приехала с дочерью без мужа, чтобы завести курортный роман и он видимо считал себя подходящей кандидатурой для этой роли. Это напрягло меня. Два дня я избегала его общества. Когда мы шли обедать, если я видела, что он там, мы шли обратно в номер, чтобы переждать когда он уйдёт. Но потом я подумала, что вот так я и просижу одна и не съезжу в Ленинград, а тут был вариант оставить с ними на день мою дочь. И так я сдалась, но мои мысли телепатически передались ему, Гена както стал поспокойнее, и ещё он сделал конструктивное предложение, он нашёл великолепный пляж, где чистая вода, без водорослей, можно беспрепятственно плавать, и это всего лишь в двух автобусных остановках от нашего дома отдыха.

Меня не очень-то соблазняла мысль быть с ним наедине, пусть и днём и с детьми. Я с трудом переносила его общество. Но он как бы опять угадывая мои мысли сказал, что с нами едет его сосед по столику и тоже с дочкой. «Очень приятный мужик» – добавил он, опять как бы угадывая мои мысли.

Мне стало легче, то что будет компания, меня устраивало.

Вот мы стоим на остановке и ждём его друга с дочкой. Смотрю, они стремительно идут, понимая что мы ждём их, они летят, только иногда касаясь слегка земли, рослые, длинноногие. Не успела я справиться со своим удивлением, как услышала приятный голос – Борис,

Я протянула руку для пожатия, и Борис легко с улыбкой пожал её.

Новый знакомый был правда удивительно приятный, ничего навязчивого, его появление принесло лёгкость, как будто кислорода стало больше и пространство всё расширилось и небеса приподнялись, говоря нам добро пожаловать; температура воздуха – именно та, которая тебе нужна. Все почувствовали лёгкость и равновесие.

Скоро подошёл автобус. Мы вышли, как и объяснял Гена, через две остановки. Гена оказался прав: место было отличное, чистая вода, огромный почти пустой песчаный пляж, дети сразу побежали купаться.

Я стала раздеваться, оставшись в одном купальнике.

Борис бросил на меня мимолётный но внимательный взгляд, как поэт одним словом охватывает всю вселенную, именно такой был этот мимолётный но внимательный взгляд, успевший за доли секунд выразить восхищение и одобрение. Это было так мгновенно и так сильно мне передано, что моё сердце заволновалось, я улыбнулась и посмотрела в его серые огромные глаза, смотрящие на меня спокой-

но как балтийское небо. Всё происходящее стало таким настоящим и действительным,

каждый момент значимым, как наверное бывает на кино площадке талантливого режиссера или когда люди в экстремальных условиях, где фальшь смерти подобна

Завели разговор про политику. Гене не нравилось, что новый Генсек очень либеральный.

Борис посмотрел на него и сказал:

– Хватит жестокости.

Он сказал это спокойно, как бы между прочим, как незначительную реплику, но это прозвучало так сильно, как будто он провозглашал слова высочайшей небесной инстанции или как штурман, стоящий у руля и поворачивающий руль в нужном направлении чтобы корабль не врезался в скалы.

Гена стал оправдываться и вилять, как беззлая собака, которой хозяин дал понять, что она ворчит и лает не в ту сторону.

Я почти не смотрела телевизор из-за занятости на работе и заботы о маленькой дочери, но мне так понравилось, что он сказал и особенно как сказал. И мне нравился новый генсек провозглашавший либерализацию свободу слова и инициативы на местах.

Мне хотелось повторять: «Хватит жестокости».

И мне тоже хотелось сказать что-то значительное, что меня трогает и чтобы это было веско, и чтобы это задело его, как меня тронули его простые слова и я сказала:

– « Мне очень нравится Ленинград, потому что там много красивой скульптуры, особенно четыре скульптуры всадника пытающегося оседлать рвущуюся вперёд

лошадь на Аничкином мосту.» Борис опять посмотрел на меня с удивлением и одобрением. Мои слова тронули его и я была счастлива что добилась желанного эффекта. Моё фантастически приподнятое настроение ещё больше усилилось. Я пошла плавать, вернулась – мне не хотелось мокрой ложиться на подстилку. Я поймала на себе нежно-ласковый взгляд Бориса: я была стройная от природы, в школьные годы занималась лёгкой атлетикой и лыжами, и ещё последнее время увлекалась аэробикой, которую пропагандировала по телевизору Джейн Фонда.

Я поняла- я желанна. И не только тем, что я усиленно занималась аэробикой, а чемто ещё.

К вечеру мы возвращались в свой дом отдыха. Мы с Борисом немного отстали от всех на дороге к автобусу, о чём мы разговаривали?, помню что я чувствовала себя божественно, -именно рай на земле.. О каком-то продолжении или близких отношениях, я тогда и не думала «Гена женатый и Борис, наверное, тоже, " – так я думала, а заводить курортный роман с женатым мужчиной не входило в мои планы. Но я не могла запретить себе наслаждаться этой чистотой радостью общения без всякой примеси пошлости и банальности.

Мы шли и разговаривали с Борисом о я чувствовать себя с ним счастливой ни о чём не хотелось думать, ничего и ни-

кого вспоминать, а слушать его красивый голос, пленяющий и создающий огромное пространство, смотреть в его огромные серые глаза цвета Балтийского моря, которые наполняли меня покоем и невесомостью.

С этой встречи мы глаз с друг друга не сводили, мы встречались и чувствовали как будто мы одни в этом мире. Такое началось притяжение между нами как магнитное поле. Мы любовались друг другом.

Его дочка тоже со мной сразу подружилась, мы как-то остались с ней вдвоём и я не выдержала и спросила её: «Марина, а почему вы приехали без мамы, где ваша мама?» «А у меня нет мамы,» – сказала она. Мне было жаль девочку, что она без мамы, но я была так рада, что он свободен.

Марине было одиннадцать, и ей очень нравилось руководить моей четырёхлетней Викой. И она как бы чувствовала наше взаимное влечение и выбор её отца ей очень нравился и я чувствовала как будто знаю её давно и мне с ней легко и приятно тоже. Мы уже неделю как с его приглашения пересели за их столик в ресторане, у Бориса был хороший аппетит, ему всё нравилось, неожиданно моя дочь тоже стала есть лучше. То что он наливал нам суп в тарелки суп становился вкусным, разница была абсолютная от каждого прикосновения всё становилось сделанным по высшим стандартам. После завтрака мы ехали вместе на пляж.

Борис сказал, что здесь в доме отдыха есть хорошая библиотека, я почти со школы не читала художественную ли-

тературу, опять же из-за занятости да и чего-нибудь интересного в магазинах для простых смертных, к каким я относилась в то время не было, всё доставалось по блату - по знакомству, а у меня не было никаких особенных блатных знакомств. Я записалась в библиотеку, взяла прозу Марины Цветаевой, я слышала что-то про эту поэтессу в школьной программе, она мельком упоминалась, и мне запомнились строчки её стихотворения: «...два на пути у меня врага, два врага неразрывно слитых, голод голодных и сытость сытых...» и ещё «...проста моя походка нищ мой домашний кров, ведь я островитянка с далёких островов...» Я стала читать её тягучую, чувственную, дневниковую прозу о её последних годах жизни в Москве после революции, перед эмиграцией во Францию. Это было всё о любви, это было как-то в унисон с нахлынувшим на меня.

Борис хранил дистанцию, но не сводил с меня глаз. Его взгляд давал лёгкость уверенность, непринуждённость возвышенность и простоту, я не была уже одна на всей планете, но я знала что и планета ощущала это единение с космосом.

Марина его дочь была в нашей комнате и вдруг задумчиво посмотрела на меня и сказала: «Папа поехал отдыхать и влюбился».

Мне нужно было съездить в Ленинград, и я спросила, могла бы я оставить с ними на день мою дочь, я уеду рано, а приеду не так поздно вечером.

У меня было 600 руб и мне не терпелось их потратить,

но в доме отдыха кроме мороженого ничего не продавали, в провинциальном городе, где я жила, тоже в магазинах ничего интересного не было, да и я целыми днями работала, а вечером надо было забрать дочку из садика, приготовить ужин, искупать, постирать и лечь пораньше спать, чтобы пораньше встать.

Гена сказал, что он не может взять на себя такую ответственность, что ребёнок слишком маленький и тем более она плохо ест. Борис тут же согласился, он сказал, что его дочь, которая от неё не отходила, за ней посмотрит, а у него встречная просьба: не могла бы я присмотреть за его дочерью, когда ему надо будет отлучиться в Ленинград встретить друзей.

На следующий день рано утром я уезжала в Ленинград. Вика ещё спала, я зашла к Борису отдать ключи, дверь в комнату была открыта, он спал, я тронула его спину, он повернулся, посмотрел на меня улыбнулся, протянул руку ладонью кверху я положила ключ на его ладонь, мы посмотрели друг другу в глаза Наши взгляды слились, генерируя энергию гравитации и я с трудом выскочила из этого магнитного поля. Ленинград захватил меня: после косметического салона я пошла по магазинам; везде были очереди, но можно было купить то, что совсем исчезло в провинции, где я жила, в последнее время пошли сплошные дефициты: исчезло кофе в магазинах, шоколадные конфеты, видимо уже готовилась цветная революция и старались усилить недоволь-

ство в народе, военнопромышленному комплексу, вероятно, не нравились мирные инициативы Горбачёва. Вернулась я поздно. Вика уже спала в своей кровати. Марина сидела рядом. Мы пошли с ней вместе к ним в номер, мне очень хотелось увидеть Бориса. – А мы уже тут заволновались, не случилось ли чего, – сказал он с улыбкой. Я видела, как я им обоим нравлюсь, и мне стало так тепло с ними – не хотелось расставаться. Борис пошёл провожать меня; перед дверью мы расстались, никакого физического прикосновения, но я почувствовала такую близость и опять это магнитное притяжение.

На следующий день я пригласила своих новых друзей к нам в номер: мне удалось раздобыть четыре бутылки пива, в стране в это время был сухой закон. Гена вдруг начал рассказывать про свои любовные похождения, когда он был за границей, в какой-то слаборазвитой дружественной стране, от всего это веяло такой пошлятиной, я с трудом сдерживала отвращение. Борис смотрел на меня с пониманием, и мне сразу стало легче. Геннадий видел, что между нами что-то происходит, он даже как-то мне сказал, что как удачно он нас познакомил: «Любовь и никаких препятствий, оба свободны, надо же как бывает». Марина тоже мне говорила: «Папа поехал отдыхать и влюбился, так хочу чтобы Вы стали моей мамой».

Но между нами были не просто земные чувства, было что-то ещё выше обыкновенного понимания, и мы оба чувство-

вали это.

Какая то мощная энергия, которая и притягивала и держала на расстоянии, как планеты вокруг солнца.

Борис уехал на пару дней встречать гостей, как он мне объяснил, мне казалось что прошла вечность.

«Папа уехал косить,» – сказала Марина. Я сначала не поняла, а потом уже он мне объяснил: поехал на подработку косить сено. И вот он вернулся! Такая радость светилась на его лице, когда я увидела его.

Запах пота, сена, травы, радость простой и здоровой жизни крестьянина, исходивший от него пьянил, так и хотелось бросится ему на шею. Мы пошли к нему в номер, он налил мне 20 грамм какого-то вина, мы не могли наговориться, вернее, нам никак не хотелось расставаться, как будто мы знали давно давно друг друга и разлука была долгой. Он был младший в семье у него ещё были два старших брата и сестра, один самый старший брат закончил институт, защитил диссертацию и жил в Москве, а другие брат и сестра жили в Ленинграде, мать тоже жила в Ленинграде с сестрой и ещё у него был сын, которому уже исполнилось шестнадцать и большую часть времени он проводил у своей девушки. Борис тоже сначала поступил в институт, но проучился два года и бросил, сначала ездил в геологоразведочные партии, может там и поймал Бродский его поэтический ветер, а потом стал работать радио-монтажником в подсобном производстве института Иоффе.

Ещё в молодости он был чемпионом Ленинграда и области по прыжкам в высоту, но дальше не хотел заниматься. Я вернулась к себе за полночь. Вика уже спала. Я легла и ни о чём не могла думать – везде был он; с непонятной силой меня тянуло к нему. Он не сделал никакой попытки прикоснуться ко мне и когда провожал, но между нами была энергия, готовая материализоваться и эта сильная энергия не давала мне спать.

На следующее утро мы встретились за завтраком.

Как спала, Кариночка? – Спросил он нежным голосом, как бы понимая моё состояние.

– Хорошо, – рассеянно ответила я. Я не спала всю ночь. Всю ночь я думала о нём. Как обычно мы пошли на пляж. Он лежал рядом, я читала прозу Марины Цветаевой, у меня была закладка – фотография Высоцкого. Мысли мои путались, при всей гениальности Марины, я не могла сосредоточиться на чтении. Он показал на фотографию Высоцкого:

– Похож на меня?

Я посмотрела: правда похож, но если бы воскрес Высоцкий, который был моим кумиром, я бы выбрала Бориса. Я чувствовала, что он открывал большее пространство, несмотря на то что он не писал, не печатался, не пел под гитару, не декламировал, но во всём его облике, в его простых словах, в том как он их произносил, была

поэзия. Красота, правда искренность были в каждом жесте и взгляде, но они не испепеляли а давали простран-

ство. Он пленил. Он возвышал и покорял. Он был божественен. Он властвовал. Знал он это? Он выглядел радостным и счастливым со мной. Было жарко. Лето в этом году на севере било все рекорды, температура воды на Балтике была выше чем на Чёрном море. Мы уже загорели как будто всё лето провели на юге, долго оставаться на солнце уже было просто опасно для кожи. Девочки играли в моём номере. Он предложил пойти к нему в номер, я закрыла книгу, взяла свой халатик и мы пошли к нему.

Я уже знала, что мы уже не можем быть вот так дальше.

– Давай приляжем, – сказал он просто- Сначала ты, а потом я.

Как нежно и быстро он овладел мною, какое это было освобождение. Куда только в Вологде мужики смотрят? Какая ты ласковая, обязательно к тебе приеду. Какую гармонию я чувствовала с ним и миром. Последний год я жила в Вологде и работала на заводе начальником производственно-экономического отдела от меня зависела зарплата премии, и на меня смотрели в основном как на работницу, а не как на женщину, и ещё после родов у меня были постоянно проблемы со здоровьем: я была худая, у меня был замученный вид, после работы я спешила забрать ребёнка из садика и вечер проходил в заботах о дочери. Я постоянно хотела спать, я так хотела спать, что обеденный перерыв предпочитала использовать чтобы подремать. У меня был пониженный гемоглобин и давление, и постоянная слабость, может из-за это-

го и поэтому мне всё время хотелось спать. Ещё мне приходилось вставать в пять утра, чтобы приготовить завтрак, собраться к семи часам дочку в садик, дети делают всё медленно; в шесть тридцать мы выходили из дому и к семи я приводила её первую в садик, потом я ехала на завод. Прямого автобуса не было, надо было пересаживаться, дорога занимала почти час, к восьми я была на рабочем месте, я не могла задерживаться, я же требовала от всех дисциплины. Работа заканчивалась в шесть и вечером я опять забирала дочь самой последней; в семь часов надо было её накупать, накормить, постирать, переодеть, прочитать книжку; мы смотрели передачу «Спокойной ночи малыши» – единственная передача, которую у меня хватало сил посмотреть, и я засыпала. Я осознавала себя женщиной, мамой, и ещё я жила постоянными воспоминаниями о своей прошлой университетской любви и планами встретиться со своим профессором. Вечером Борис пришёл ко мне. Это было счастье. Какое божественное было его тело и как он умел его дарить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.